

Академик
В. А. Гордлевский



КТО ТАКОЙ КИРДЖАЛИ?

(Историко-фольклорный комментарий)



ушкин назвал «Кирджали» повестью и задал литературоведам головоломку.

Да, заключает В. Селинов, это — «законченное художественное произведение, которое Пушкин, мало обращая внимания на поэтику своего времени, назвал повестью».¹ Инн.

Оксенов еще определеннее отклоняет мысль о повести:² «...ни по объему, ни по литературным особенностям „Кирджали“, по нашим современным представлениям, повестью не является».

Так к какому же жанру относится «Кирджали»?

Дискуссия разгорелась давно, как только был опубликован «Кирджали». Здесь мнения расходятся — «сколько голов, столько умов»: «Кирджали» — анекдот, рассказанный чиновником из канцелярии Инзова, т. е. Лексом — так думал и И. Липранди, соглашаясь в этом с Кюхельбекером, еще 20 декабря 1834 г. записавшим в «Дневник», который он вел в Свеаборге: «...а Кирджали Пушкина просто анекдот, только очень хорошо рассказанный»;³ сочинение исторического характера (П. Морозов); отрывок из записок (П. Анненков); любопытнейшие подробности, собранные и записанные, очевидно, из первоисточников, статья имеет все достоинства подлинной исторической записки (П. Бартенев); небольшая поэма

¹ В. Селинов. До питання про джерела повісті «Кирджали» Пушкина (Записки истор.-филол. отдела Украинской Академии Наук, кн. XIII—XIV, 1927, стр. 110).

² И. Оксенов. Кирджали (см. Пушкин, 1834. Лгр., Пушкинское о-во, 1934, стр. 50). См. также Б. Трубецкой. Пушкин в Молдавии, Кишинев, 1949, стр. 35.

³ См. Дневник В. К. Кюхельбекера (Лгр., «Прибой», 1929, стр. 222).

(А. Яцимирский); программа большого произведения и т. д.¹ В. Язвицкий, уделивший историческому анализу «Кирджали» наибольшее внимание, смотрит на Пушкина все время с позиций историка,² интересуется реальной, фактической стороной. Так, опровергая полемические «показания» Липранди, как противоречащие якобы действительности, он поддерживает историчность версии Пушкина (эпизод с кладом и побег): «в нашей литературе как будто нет ни одного веского аргумента в защиту Пушкина и Лекса, но эти аргументы имеются у иностранных историков³ и в официальных рапортах прусских консулов» в Яссах и Бухаресте (извлеченных румынским историком Н. Йоргой). Наоборот, литературовед Инн. Оксенков,⁴ подчеркивая сложность композиции «Кирджали», решает, что это — художественный очерк, задуманный как исторический очерк и лишь в процессе работы приобретший черты, которые ставят его на грани между историческими работами Пушкина и его художественной прозой; а побег из тюрьмы — самостоятельная вставная новелла. Конечно, это не очерк, как понимают этот термин современные литературоведы.⁵

Историко-повествовательный (спокойный) тон скоро у Пушкина пропадает. Кирджали зарисован в романтическом плане, и жалость к герою, которого начальство выдает туркам, сменяется восторгом от удалства его. Я бы сказал, что это — романтическая новелла на реальном фоне волнений на Балканах, преследующая художественно-эмоциональное воздействие.

Переведенный в 1874—1875 гг. Любеном Каравеловым на болгарский язык, «Кирджали» дал толчок молодой славянской литературе для создания нового жанра — национальной революционной новеллы;⁶ этому благоприятствовала политическая судьба Болгарии, томившейся в тисках иноземного (турецкого) владычества, хотя Кирджали от революционности весьма далек. Какой же это революционер! «Однажды ночью он и арнаут Михайлаки напали вдвоем на болгарское селение. Они зажгли его с двух концов и стали переходить из хижины в хижину. Кирджали резал, а Михайлаки нес добычу. Оба кричали: Кирджали! Кирджали! Все селение разбежалось».⁷

Не думаю, чтобы закончились споры о жанре «Кирджали». Но пусть обо всем этом судят и рядят пушкинисты.

¹ Беглый (неполный) обзор высказываний, см. Инн. Оксенков. Указ статья, стр. 50—51, Д. Якубович. Обзор статей и исследований о прозе Пушкина с 1917 по 1935 г. (А. С. Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. I. Лгр., 1936, стр. 310—311), Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы («Прибой», 1929, стр. 286).

² В. Язвицкий. Кто был Кирджали, герой повести Пушкина. «Голос Минувшего», 1919, № 1—4, стр. 53 и дальше.

³ A. Chorin, *Ubicini, Provinces Danubiennes et Roumaines* (в серии L'Univers, Histoire et description de tous les peuples), Paris, 1856.

⁴ И. Оксенков. Указ. статья, стр. 62.

⁵ М. Шагинян. По дорогам пятилетки, М., 1947, стр. 3—12.

⁶ Н. Державин. Пушкин в Болгарии. «Знамя», 1949, № 6, стр. 184.

⁷ А. С. Пушкин. Кирджали, Соч., т. VI, стр. 359.

Я хочу дать небольшой историко-фольклорный комментарий; я хочу расшифровать смысл слова «Кирджали»; объяснить историю социального термина «кирджали» и народный образ Кирджали, как он дан у Пушкина.

1

Мою задачу облегчил В. Язвицкий. Собрав большой румынский, болгарский и французский материал, не только печатный, но и архивный и устный,¹ — в этом значимость его изысканий, — он зарисовал фигуру вожака Кирджали:² Георгия Болгарина, или, может быть, из конспиративных целей, Гыльба³ — войводы, — прообраз пушкинского Кирджали; но в быль у него бессознательно ворвалась и сказка. Он дал также обзор толкований слова «кирджали», но и здесь разрешение частичное, а вернее, неудовлетворительное.

Атаку я и поведу с имени «Кирджали».

К. Иречек, автор «Истории болгар», придавал слову «кирджали» (кърджалия) значение: «грабители в пустынях».⁴ Молодой ученый так, очевидно, рассуждал: турецкое слово *kir* (проникшее к болгарам и сербам) значит: поле, степь,⁵ заодно прихватил он и пустыню, хотя на Балканах пустынь нет, а в турецком языке для понятия «пустыня» есть другое слово. Подобно тому, как *kir serdari* значило: «начальник иррегулярного отряда (башибузуков), на которого возложена обязанность преследовать разбойников и оберегать проезжие дороги»⁶ (этого он, впрочем, тоже не знал) — так и у слова «кирджали», оправдывающего их поведение, априори должно быть одиозное значение: «грабители в пустынях».

Толкование К. Иречка смягчено было в Болгарии теми учеными, для которых кирджали — полевой скиталец.⁷

По этому пути — «облагорожения» значения слова пошел и В. Язвицкий.

В. Язвицкий скромно предлагает и свою этимологию. Ему приходит в голову «турецкое» слово «кырдж» (стадо). «У нас, в Бессарабии, в Херсонской и Таврической губерниях, — пишет он, — это слово употребляется

¹ На страницах 58—59 работы В. Язвицкого дана литература.

² В рапортах прусских консулов «Körtschalik» (см. В. Я з в и ц к и й. Указ. статья, стр. 55).

³ Однако у болгар нет такого имени. Может быть, так передает он болгарское слово гъльб — голубь.

⁴ К. Иречек. История болгар. Перевод Ф. Бруна и В. Палаузова, Одесса, 1878, стр. 625.

⁵ В Средней Азии еще: плато, плоская возвышенность.

⁶ Ş. Sami bey, Kamusü türki. Istanbul, 1318 h., 2. nei cilt, s. 1124.

⁷ В. Я з в и ц к и й. Указ. статья, стр. 46, 2-е примечание. Продолжая развивать домыслы, он сближает слова: «казак» и «казан» (котел), так как казаки ели из общего котла.

среди татарского населения и обозначает артельное стадо (отара) нескольких владельцев с общим пастухом. Весьма возможно, что шайки удальцов времени султана Селима III (1789—1807) группировались тоже артелями, как курени в Запорожской Сечи. Слово «кирджали» и образовалось от «кырд» через прибавление именного аффикса «джи», образующего в турецком языке помен *agentis*, как «тенекеджи» (жестяник) от «тенеке» (жесть). Но откуда взялся потом аффикс «ли» и мог ли он возникнуть после аффикса «джи», — об этом В. Язвицкий благоразумно молчит. Во всем этом толковании верно только замечание о сплоченности «кирджали».

У В. Язвицкого, использовавшего, как он говорит, и труд Д. Ихчиева¹ «Турецкие государственные документы о кирджали», почему-то выпала из поля зрения вводная часть — предисловие к этим документам.

Между тем болгарский ученый Д. Ихчиев дает подробное филологическое и историческое объяснение. Однако этимология слова «кърджалия» явно сумбурная. «Кгг» для него персидское слово; и вторую часть («джали», «чали») он тоже ведет из персидского языка; я опускаю набор значений, которые только запутывают, в конечном итоге слово значит: «человек преклонного возраста с седоватыми волосами на голове и на лице» («човек с напреднала възраст и прошарени коси по главата и лицето»). Тут еще, быть может, какой-то проблеск правильного толкования, уже учитывающего значение первого слова «кгг» (серый). Однако Ихчиев сразу же скатывается в фантастику. Отрицательный смысл сложного слова «кърджалия» (грамматически построенного неправильно) он хочет подкрепить основами: «чал» (разбойник) — из казанско-татарского языка² и *çal* (воровать) — из турецкого языка, но это уже несусветная чушь, — эквилибристика, вскрывающая полную лингвистическую безграмотность.

Как бы забывая то, что сказал раньше, Ихчиев вспоминает, что в Малой Азии были «джалие» (люди бесстыдные, грабители), — племя, подчиненное туркам;³ из Малой Азии давно были переселены они в Европейскую

¹ Д. Ихчиев. Турски държавни документи за кърджалиите. (Сборник за народни умотворения. Кн. XXII—XXIII, София, 1906—1907). Переводу фирманов и распоряжений, излагающих движение от 1792 до 1806 г., предпослано предисловие; оно обнаруживает промахи в транскрипции, а может быть, и недостаточное знание восточных языков, например, хармеен (вм. *haremeun*), стр. 58, Ел-Хаджи (вместо Эль-Хадж), стр. 3; серен ве алинен (вм. *sigren ve alenen*), стр. 23.

² Где нашел это слово Д. Ихчиев — не знаю; по крайней мере, В. Радлову и Л. Будагову оно неизвестно.

³ Д. Ихчиев. Указ. работа, стр. 2. Впрочем, исторические соображения Д. Ихчиева, неизвестно откуда почерпнутые, тоже вызывают сомнения. По крайней мере, картина, которую набрасывает Хаммер, рисует обратное движение — из Европы в Малую Азию. Хаммер пишет, что войны, заняввшие себя позорной трусостью во время битвы на равнине Керестеш (1596), бежали в Малую Азию и под старой ключкой «джедали» (от «махди» Джелали, причинившего большие хлопоты султану Селиму I) — повсеместно поднимали там восстания, см. J. H a m m e r. *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Pest. 1829, Theil. IV, S. 266, 271, Th. II, S. 530; о джелали см. еще А. Т е р и т и н о в а. Восстание Кара-Языджи—Делл Хасана в Турции. М.—Л., 1946, стр. 4—5.

Турцию. Нащупывая почву для образования кирджали, болгарские ученые и указывали на район Кырджали в Южной Болгарии.¹

Однако опять неизвестно, как образовалось из «джалие» это новое слово «кырджали».

Старые толкования К. Иречка и Д. Ихчиева находят все еще сторонников у советских славистов; не поддался ли им и Н. С. Державин, который так и разлагает термин «кырджали» на слова: «кър» (поле, степь) и «джали» (разбойник)?² Но если турецкое слово *kır* проникло в южнославянские (болгарский и сербский) языки, то слово «джали» существует только в воображении Д. Ихчиева.

Каким-то образом от толкователей слова ускользнул лексикографический труд Фр. Миклошича, дающий сводку турецким элементам в южнославянских и других языках.³

В гнезде *kêrdja* у Миклошича беспорядочно свален ценный материал, который я излагаю в систематизированной развернутой форме.

В «Болгарских песнях», изданных П. Бессоновым, упоминается место (городок) Кырджа, представляющее, собственно, народное сокращение старого исторического имени Кырджали. Естественно, что слово «кырджали» в сознании местных людей (помаков), знающих турецкий язык, казалось, по аналогии, новообразованием от Кырджа посредством атрибутивного аффикса «ли», который указывает на происхождение или связь с каким-нибудь местом, т. е. кырджали значит: уроженец, житель Кырджы, «кырджовец» — только так и можно объяснить соединение двух аффиксов: «джа» и «ли».

Так, очевидно, думал П. Будмани, писавший Фр. Миклошичу: «кеседжия» (разбойники) вышли сначала из города Кырджа, почему их и прозвали «кырджали». Фр. Миклошич и П. Будмани забыли, что тридцать лет тому назад (в 1855 г.) это мнение высказал уже П. Бессонов.⁴

Ссылаясь на Хаммера,⁵ отмечает Миклошич еще табак «кирджали», или Кырджа-Али. Потом, впрочем, Хаммер отказался от раздельного начертания,⁶ а стало быть, и от осмысления слова.

¹ Есть и железнодорожная станция — Местанлы Кырджали.

² Н. С. Державин. История Болгарии, М., 1947, т. III, стр. 51, 1-е примечание.

³ Fr. Miklosich. Die türkischen Elemente in den südosteuropäischen Sprachen. Wien, 1884—1890.

⁴ Ср. Болгарские песни, издал П. Бессонов. Москва, 1855. Вып. первый, стр. 111: «... У турок есть еще слово кеседжии» — разбойники на конях, и так как они сначала более выходили из города Крджи, то получили сверх того имя крджалиев, но это явление уже позднейшее, развившееся уже особенно в конце прошлого (XVIII) столетия). Но не проделал ли П. Бессонов мистификацию, приняв псевдоним, который представляет перевод фамилии (бдительный).

⁵ J. Hammer. Des Osmanischen Reiches Staatsverfassung und Staatsverwaltung. Wien, 1815, Erster Theil, S. 330.

⁶ J. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches, Pest, 1830, B. VI, 627.

Генезис социального термина «кирджали» уводит в Малую Азию — в этом Д. Ихчиев прав, а к этимологии близко подходил уже Хаммер.

В турецком языке слово это (Kırsalı) сохраняет ударение на первом слоге, а не на последнем, как нужно было бы ожидать, если бы здесь был ударный аффикс атрибутивности «ли». Несомненно, это слово сложено из kırsa (седоватый) и личного имени (Али),¹ т. е. комплекс (Kırsa Ali — «Кырджа-Али»), элидируясь, сливается в «Кырджали» («Али с проседью»). Второе слово (Али), соединенное с эпитетом, потеряло ударение, более слабое, чем на первом слоге. И по-болгарски (кърджалия) ударение стоит также на первом слоге.² Так предугадывается правильное произношение слова по-русски (Кирджали)³ и отпадают неоправданные варианты: «Кирджали» и более часто — Кирджали.⁴

Эпитеты — прозвища — «уличные прозвища», указывающие на цвет лица, волос, конечно, часто сопровождают собственное имя, там, где отсутствуют фамилии.⁵ Потом собственное имя, как это бывало у турецких племен, уже эпоним для родственников или сторонников человека, носящего это имя, — эпоним, заслуживший военной доблестью эту честь.

Таким образом, корень ошибочных толкований термина «кирджали» понятен: исходя из социального смысла термина в XVIII в., исследователи-историки ретроспективно хотели объяснить элементы разбоя, заложенные якобы уже этимологией слова. Для современного болгарина кырджали (кърджалия) также представляет синоним слов: «башибузук» или «капасыз» (капъсиз),⁶ т. е., как правильно толкует Бессонов, «безворотный, бездомный, бродяга».⁷

2

Тот Кирджали (Кырджа Али),⁸ о котором я хочу повести речь, жил давно, может быть, и в XIV в., во всяком случае после того, как турки в 1357 г. переехали через Галлиполи в Румелию. Вот что говорит о нем

В английской (официальной) статистике было и начертание Kirdj-Ali см. Н. В. Михов. Население на Турция и Болгария през XVIII и XIX в., т. IV, София, 1935, стр. 480.

¹ Так (раздельно) пишет и Шемседдин Сами бей.

² Впрочем, в песнях, изданных П. Бессоновым, встречается также ударение на втором слоге.

³ Замена звука «ы» на «и» закономерна.

⁴ См. Болгарско-русский словарь под общей редакцией акад. Н. С. Державина. М., 1947, стр. 167.

⁵ См. Вл. Гордлевский. К личной ономастике у османцев (Древности восточные, т. IV, 1913).

⁶ В. Язвickий. Указ. статья, стр. 46: капусэзи.

⁷ Болгарские песни. Вып. первый. Раздел 3, стр. 249.

⁸ Şemsettin Sami bey, Kâmûs-ul-a'lâm. Istanbul, 1314 h. (= 1896 г.). 5. Inci cilt, s. 3794.

первый официальный историограф Турции Ходжа Садеддин (ум. в 1599 г.). Во время движения турок в Европу у них был вождь Кирджа Али. Он обосновался в касабе Адрианопольского вилайета; по его имени район этот получил название Кирджали — теперь Кирджалийская околия.

Победоносный воитель, Кирджа Али превратился в «Гази» Кирджа Али, и над его могилой дервиши бекташи, — воинствующий мусульманский орден, — давно осевшие во Фракии,¹ воздвигли текке во имя Сейид-Али Султана² или Кирджа Али-баба.

Разбросанные по околии³ «махалы» («хутора») представляли сначала сторожевую цепь, закреплявшую наступление турок. Дома с узкими, точно бойницы, оконцами напоминают крепость,⁴ которая защищала обитателей от алчных пашей — ставленников Стамбула.

Окрестное население — омусульманенное (помаки) и мусульманское (турки, может быть, и юрюки⁵), обезземеленные крестьяне — черпали у могилы Кирджа Али-баба силу для борьбы; сохраняя воинственно-грабительские наклонности, они выжидали только удобного момента.

Пока Османская империя была могущественна, пока оружие ее воинов гремело на Балканах, жители округа Кирджали вели себя спокойно, и только средний сорт табака «кирджали», на который в 1695 г. повышен был налог, напоминал в XVII в. о них. Но, когда в XVIII в. войны распатали государственный аппарат, население, постоянно страдавшее от недородов, заволновалось. Укрытые в отрогах Родопских гор, горные жители «тагли» (даглы) превратились в «горных разбойников» (dağ eşkıyası). Во Фракии еще в конце XIX в. сохранялось предание, что в течение XVIII в., всякий раз, как война кончалась для Турции поражением, — кирджали трижды поднимались (в 1739 г., в 1774 г. и, наконец, в 1792 г.).⁶

Образовались шайки «кирджалийских четников». В шайки входили не только местные жители, но и стекались отовсюду недовольные или искатели приключений. Здесь были болгары, сербы, греки, албанцы, румыны, разумеется, и турки. И вожди и рядовые повстанцы, независимо от национальности или вероисповедания, охотно брали кличку «кирджали». За четниками тянулись красивые женщины («дювендии»),⁷ одетые в муж-

¹ Fr. B a b i n g e r. Beiträge zur Frühgeschichte der Türkenherrschaft in Rumelien 14.—15. Jahrhundert). Brünn (München), 1944, p. 64.

² J. H. H a s l u c k. Christianity and Islam under the Sultans. Oxford, 1929, vol. II, pp. 522, 593 (not. 6).

³ У Н. Михова (указ. работа, стр. 377) дана статистика населения околии в 1880 г.: в 82 деревнях было 20 тысяч жителей.

⁴ А. Стекольников. По Кирджалийскому краю. «Известия», 1949, № 193,

⁵ Кочевое турецкое племя.

⁶ И. Пастухов. Българска история. Изд. «Хемус», 1943, т. II, стр. 572.

Труд И. Пастухова, построенный не только на западных источниках, но и на восточных (турецких), конечно, неизмеримо выше труда К. Иречка, который уже и устарел.

⁷ См. Болгарские песни. Вып. первый. Эпос сербский и болгарский, стр. 112.

ское платье. Дорогой они прислуживали воинам, но часто и дрались, как мужчины; распевая песни, они воодушевляли мужчин на бой, на стоянках опять пели и плясали, развлекали, тешили их страсти и т. д. Одинаковы были у кирджали внешний вид (богатая одежда) и военные приемы; стреляли они из длинных ружей, которые были только у них, — из «кирджалиек».¹

Пользуясь слабостью и попустительством местных властей, кирджали пошаливали на дорогах и грабили путников. Когда граф Шуазель-Гуфье — впоследствии президент Петербургской Академии художеств — ехал в Турцию для изучения памятников античного мира, он слышал дорогой о бесчинствах кирджали, жителей деревни «Kers»;² судя по исковерканной форме слова (по конечному звуку «с»), ему рассказывал об этом какой-нибудь грек, может быть, и сопровождавший его.

Естественно, страдали больше всего от кирджали болгары. Население Болгарии было отдано «на милость кровожадных разбойников», как говорит Д. Ихчиев.

Слухи о кирджали с театра военных действий, во время второй турецкой войны (1787—1791 гг.), доходили и до Петербурга.

Уже период после первой турецкой войны (породивший бывшие Чесменский и Кагульский районы нынешней Челябинской области) принес какое-то увлечение турецкими словечками. В языке «любви» дам высшего общества был набор ласкательных слов, как-то: «Москоф», «Яур» (гяур).³

Иносказательно, плохо скрывая старые неприятные воспоминания о великом везире Гази Хасане паше, когда он отбил в 1770 г. у русских о. Лемнос, пишет Екатерина II Потемкину 19 марта 1790 года: «Хотя ви-зирь Кирджали желает мира, но известно тебе уж, что в Цареграде согласились заключить союз наступательный и оборонительный с прусским королем, и что Юсуф-пашу привезли в Стамбул..., дабы сделать его визи-рем».⁴ Очевидно, так, «разбойником» (Кирджали), раньше обозвал Гази Хасана пашу Потемкин, слышавший это слово на фронте.

Вторая турецкая война, закончившаяся Яским мирным договором (1791 г.), еще больше раскрыла слабость турецкого государства. После войны янычарские полки, вообще-то недисциплинированные, еще более разнуздались и дерзко встали на путь грабежей. Среди населения усиливается ненависть к поработителям. Экономический и политический гнет объединил подданных Высокой Порты, христиан и мусульман.

¹ См. Н. Д е р ж а в и н. Указ. соч., т. III, стр. 49—54: Кирджалийское движение и кирджалии.

² Choiseul-Gouffier. Voyage pittoresque de Grèce. Paris, 1782, II, p. 105, not. 1.

³ «Русская старина», 1881, № 9, стр. 196, 199.

⁴ См. «Императрица Екатерина II и кн. Потемкин». Подлинная переписка. «Русская старина», 1876, № 11, стр. 409.

Под 1800 г. упоминается в Царском Селе деревня Керцалово (см. «Русская старина», 1873, № 5, стр. 696), и здесь тоже слышатся, быть может, отзвуки о кирджали.

Для кирджали политические цели борющихся сторон были смутны, кирджали были часто слепым орудием в руках главарей и думали только о наживе. Обстановка складывалась благоприятно, и внутренняя мощь кирджали выросла; кирджали заговорили открыто, объединенные вождями.¹ Но вожди часто бросали их, соблазненные посулами турок, которые давали им права сипахи; предоставленные себе, как бы обманутые, кирджали остервенело грабили «райю». Так ни в чем у них не было недостатка, всего у них было вдоволь: и продовольствия, и оружия, и всяких драгоценностей. А внешность кирджали — роскошный наряд поражал всех, кто их видел.

«Первым основателем кирджали», — утверждает П. Хитов, представитель младшего поколения гайдуттов, — был болгарин Кърджали.² Он происходил, очевидно, из района Кърджали и жил во время султана Селима III; знаменитый атаман умер, как замечает И. П. Липранди, за двенадцать лет до гетерии,³ т. е. в первом десятилетии XIX в.

Имя турка «Гази Кърджа Али», завоевателя Румелии, когда-то передавшего память о себе жителям «касабы» (района), как бы снова родилось; но теперь болгарин Кърджали, может быть, еще смутно для себя превращается в вождя «народных мстителей» туркам — незванным иноземным пришельцам. Странники Кърджали могли гордо величать себя «Кърджали огуллары»⁴ — сыны Кърджали, т. е. так, как прежде величали себя турки — мусульмане,⁵ наступавшие на христиан.

¹ А. М и л л е р. Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. Москва, 1947, стр. 111, примеч. 50; стр. 368, примеч. 60; сводка о кирджали — об их роли см. стр. 112—115, 375—376; см. е го же, Краткая история Турции. М., 1948, стр. 44, примеч. Под кирджали А. Ф. Миллер понимает «деклассированные» элементы, главным образом, обезземеленных анатолийских крестьян, состоявших в рядах турецкой армии и затем оставшихся разбойничать в Румелии. Мне, однако, кажется, что участие (роль) анатолийских крестьян, выходцев из Анатолии, преувеличена.

² Странствование гайдука по Балканам и жизнеописания старых и новых воевод. См. «Славянский сборник», СПб., 1877, т. II, отд. IV, стр. 121.

³ И. Л и п р а н д и. Из дневника и воспоминаний. Заметки [на статью] П. Бартенева «Пушкин в южной России». См. «Русский архив», 1866, стр. 1399, с прим. 56.

⁴ Так говорят о них документы. У помаков нередки прозвища, вторая часть которых — «огуллары» (сыны, потомки такого-то).

⁵ Вот еще пример, раскрывающий отчасти процесс перехода прозвища на потомство, — превращение собственного имени в нарицательное. В начале XX в. (1905—1911 гг.) в Измирском районе (в Малой Азии) хозяйничал «благородный разбойник» Чакыджи-Мехмед — «Ножовщик Мехмед» (çakıcı: от çakı — небольшой нож). Рассказ о нем и о его подвигах, со слов чавуша Ибрагима, который участвовал в военных экспедициях против него, издал, сопроводив переводом, Э. Литтманн (E. L i t t m a n n. Tschakydschy. Ein türkischer Räuberhauptmann der Gegenwart, Leipzig, 1915). Но сразу же возникает недоумение: Литтманн полагает, что Чакыджи — сокращенная народная форма вместо Чакырджи или Чакырджалы: çakır — 1) вино, çakırsı — винодел; пьяница (?); 2) голубой. Как явствует из слитного начертания слова Чакырджалы, у чавуша Ибрагима, здесь не собственное имя (Али), которое нужно писать

Создался симбиоз ислама и христианства. Под знаменем Кърджали шли крестьяне, христиане и мусульмане, измученные гнетом насильников.

Началась «эпоха кърджали», но этот беспокойный период как бы своеобразный пролог к национальному освободительному движению, охватившему балканские народы.

Один раз (в 1796 г.) кърджали, понимавшие, конечно, тяжелое положение крестьян Румелии, объявили о сложении новых налогов, обманно установленных пашами, за слушание грозя огнем и мечом.¹ Так хотели они привлечь к себе население заботами о социальном его благополучии, как бы вырывая инициативу из рук Высокой Порты.

Высокая Порта задумалась над кърджали. Как видно из указов конца XVIII — начала XIX в., переведенных Д. Ихчиевым, султан Селим III, встревоженный своеволием кърджали, мобилизовал войска в Анатолии, создал суды над кърджали, составленные из «райи», из христиан, и т. д. Старая политика равнодушия к судьбам «райи» на время была отброшена: султан-реформатор хотел показать и силу центральной власти и равноправие подданных, христиан и мусульман, перед законом.

Однако бесчинства кърджали перевалили хронологические границы (1792—1802 гг.), узко обозначенные К. Иречком. П. Хитов раздвигал эти границы до конца двадцатых годов XIX в. (с 1790 до 1828 г.).

У нас есть три показания от 1804 г., которые говорят о размахе движения.

через «айн», а для него просто слово указывает скорее на место происхождения героя, Мехмеда (аффикс «ли»), а может быть, не мудрствуя лукаво, еще проще предположить, что в орфографии чавуш не очень-то тверд. Поскольку и отца героя звали тоже Чакърджали, как будто в Малой Азии воспевался во второй половине XIX в. Али, прозванный «Чакърджа» («голубенький»); Чакърджа Али — «Голубенький Али». Стянувшись в Чакърджалы, это слово превращалось в нарицательное почетное слово, — в родовое, фамильное прозвище, перешедшее и на сына его Мехмеда.

Но процесс, напоминающий судьбу слова «Кърджали» в Румелии, в Малой Азии остановился на зачаточной стадии. Государственная власть в Малой Азии, во время султана Абдул-Хамида II, была, во всяком случае, крепче, чем в Румелии в XVIII в., и разбой, уже в силу политической обстановки, в западной Анатолии мог носить только местный (локальный) характер. Так объясняется и странное сочетание имени Али и Мехмед (обычно Мехмед-Али), затуманенное утратой реального первоначального содержания слова (Чакърджалы). Забвение смысла, усиливаясь, влечет и замену новым эпитетом (Чакърджи) — словом, значение которого текстом не оправдано.

В песнях, записанных в Конье, встречается Гер-Али (Смуглый Али), который, как замечает Ф. Гизе, разбоями наводил ужасы на Измирский район (Fr. Giese. Erzählungen und Lieder aus dem Vilajet Qonjah. Halle a. S.—New-York, 1907, № 47, S. 79, также Вл. Гордлевский. Из наблюдений над турецкой песней, М., 1909, стр. 50), но не перенес ли Гизе на Гер Али то, что рассказывали о Чакърджали?

Носители имени четвертого халифа, Али, образа сказочного героя, окружены ореолом благородной отваги.

¹ К. Иречек. Указ. соч., стр. 633.

Одно показание, общее, повторяет то, что примерно четверть века назад говорил Шуазэль-Гуффе.

Автор, французский консул, во время длительного пребывания на Балканском полуострове собравший (а потом опубликовавший) большой материал, конечно, хорошо знал кирджали, да и слышал о них в Янине.

Пуквиль пишет:¹ «Кирджали,² это род кондотьеров, это всякий сброд из болгар, трибаллов³ и славян. Они останавливали караваны, грабили курьеров, не признавали властей; их поддерживали, по слухам, паши Самокова и Ускюба. Усмирить их поручено было Али паше (Янинскому), но сделано это было в тайной надежде, что он свернет себе на том шее. Словом, Македония и Фракия были разорены бандами разбойников...»

Теперь я зарегистрирую сравнительно недавно опубликованные свидетельства двух русских очевидцев, которые одновременно рисуют обстановку, сложившуюся при кирджали.

Совершавшие в 1804 г. «вояж» по славянским землям А. И. Тургенев и А. С. Кайсаров сталкивались с кирджали в Белграде, во время восстания сербов, хотя они, осуждая поведение кирджали, может быть, смотрели на них глазами легитимистов.

В письме из Карловиц, от 14 октября 1804 г., А. И. Тургенев (тонкую наблюдательность которого отмечал Вяземский) говорит:⁴

«В Белграде и днем опасно ходить. Завладели им разбойники Керджалии, держат пашей под караулом и не выпускают их живых, без того, чтобы не заплатили им 500 000 фл. на год. Их всех не более 1700 человек, но законный паша и того не имеет, и оттого этой разбойнической шайке, состоящей не из одних турок, но и из побродяг различных наций, легко держать в узде весь город.

Они призваны были сербами для убиения четырех деев; убили их и, не получая ничего от сербов, принялись за пашей белградских, которых теперь трое и все смотрят в разные стороны...

В городе все идет вверх тормашками. Разбойники Керджалии⁵ ходят днем и ночью вооруженные и жители окружностей только что оттерпывайся. Мы сами видели одного серба, которому ни за что, ни про что порубили руку, а голову он унес с собой, а то бы и ей досталось...»

Спутник А. И. Тургенева славист А. С. Кайсаров цедит слова скупно, но в одной фразе как будто чувствуется намек на какую-то договорную

¹ F.-C. H.-L. Pouqueville, Histoire de la régénération de la Grèce. Paris, 1824, t. I, p. 216.

² Kersales ou Chrysolidis. Стоило бы разобрать греческое название кирджали (народная этимология, построенная на созвучии со словом χρυσός — золото?).

³ Конечно, он понимает здесь потомков трибаллов — народа, встреченного на завоевательном пути своем Александром Македонским.

⁴ См. Письма Александра Тургенева Булгаковым. Подготовка текста к печати, вступительная статья и комментарии А. А. Сабурова. М., 1939, стр. 42—43, письмо XI.

⁵ Издатель писем, неправильно прочитав, напечатал «Керфалии», на стр. 284 в примечании 7 к письму XI он пишет: «Кайсаров называет их Кергали».

связь между наемными ватагами кирджали и хозяином-нанимателем, восставшим против турок:

«Кирчалли или разбойники отлично одеваются, они владеют всем городом, повелевают пашам и, как говорят, паша их в согласии с Черным Георгием».¹ Вождю кирджали (Гушанц-Али, может быть, и сербу) был близок Кара Георгий,² «гроза Луны, свободы воин».

В 1804 г. кирджали были разгромлены Кади Абдурахманом пашой; но, разбитые где-нибудь в одном месте, кирджали сохраняли живую силу и еще в конце того же года на глазах у пашей терроризовали жителей Белграда.

У кирджали на местах были высокие покровители (паши, «аяны»). «Хитрый босняк», Пазванд-оглу Осман паша мог отражать натиск войск султана, посылаемых против непокорного деребея, потому, что ему помогали (с 1797 г.) кирджали.³ То было взаимное одолжение; с своей стороны, кирджали беспрепятственно жгли и разоряли села Видинского санджака. Софроний, епископ Врачанский, слезно стонет о мучениях, которые он претерпел во время разрухи.⁴

Кирджали неистовствовали в Румелии, издеваясь над людьми.

В песнях, изданных П. Бессоновым, описываются мучения христиан; так, песня № 52 (Нападение на Станимак) говорит, как кирджали грабили «нову церковь» — монастырь, пытали епископа.

Временами они, может быть, и затихали, но всякий раз, как на Балканах вздымалась волна народного гнева, — брожение выхлестывало на поверхность и кирджали. Опять нужны были люди, которые за плату или в мечте о какой-то свободе бесстрашно отдавали жизнь. Формировались партизанские отряды, среди которых были и кирджали. И. П. Липранди, например, вспоминал, что у него в отряде из 1200 человек еще в 1829 г. «около 50 человек присоединило к имени прозвище кирджали».⁵

Обессиленные во время войны 1828—1829 гг., кирджали снова оправились и, как говорит П. Бессонов, в 1837 г. убивали проезжих по дороге из Софии в Малину.⁶

Но все более и более термин кирджали, отрываясь от местной территориальной почвы, терял смысл национальный; в термин все более и более

¹ См. Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. Под редакцией В. Истрина, Пгр., 1915, стр. 77.

² О кирджали в Сербии, см. Л. Р а н к е. История Сербии по сербским источникам. М., 1876, стр. 97—98.

³ В Европе ходили слухи, что восстание Пазванд-оглу было организовано Bohemann'ом, «главой азиатских братьев»; см. B o h e m a n n. Haupt der Asiatischen Brüder. Ordensgeschichte neuester Zeiten. Hamburg und Altona. 1811.

⁴ Софроний, епископ Врачанский, и его время (1737—1810), см. Славянский сборник. СПб., 1877, т. II, отд. IV.

⁵ И. Л и п р а н д и. Из дневника... стр. 1400.

⁶ Болгарские песни. Вып. первый. Эпос сербский и болгарский, стр. 112.

вкладывалось социальное содержание, это было уже нарицательное имя для безродных наемных смельчаков.¹

Национально-освободительное движение, образование на Балканском полуострове национальных государств вели к разложению и исчезновению кирджали. Теперь соседи в их услугах не нуждались, анархические элементы мешали национальному строительству. Кирджали отеснены были гайдутами (хайдучами) борцами за освобождение болгар от иноземного ига,² которыми в XIX в. руководили идейные революционеры.

Но население Болгарии испытывало страх перед кирджали еще в 70-е годы XIX в., т. е. накануне «войны за освобождение славян». Р. П. Семенов (уроженец Дели-Орман) — преподаватель Академии внешней торговли в Москве) передавал мне со слов своей матери, что, когда она уходила на работу в виноградник, хозяин звал «заптие» (жандарма), который охранял женщин; слышав какой-нибудь шум, они быстро разбегались — им все чудились кирджали, чудились ужасы детских лет.

Население «касабы» Кырджали, когда-то бунтовавшее против Высокой Порты, после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. обнаружило преданность Турции. Хотя и вынесено было (на Берлинском конгрессе?) постановление о вхождении «касабы» в Восточную Румелию (отошедшую к Болгарии в 1885 г.), однако «вследствие твердого сопротивления жителей, касаба была присоединена к вилайету Эдирне (Адрианополь)».³

Но так думают только турки, а может быть, болгары, находясь тогда в чаду шовинистических идей, хотели отделаться от буйных помаков, как мусульман, враждебно настроенных к болгарам-христианам.

Так было до Балканских войн, когда снова границы Турции передвинулись. Район Кырджали вернулся в Болгарию. Но о нем шла все дурная славушка. Во время хозяйничанья немцев в Болгарии Кырджали был местом ссылки.

3

Волнения, вылившиеся в 1821 г. под руководством А. Ипсиланти в восстание за освобождение Греции, захватили уже раньше и придунайские

¹ М. Чайковский (Садык паша), живший в Турции в султанство Абдул-Меджида, вспомнил о кирджали во время Восточной кампании (Крымской войны): см. роман его о годе Кирджали: Kirdžali. Paris, 1859.

«Дочь и жена консула», прожившие двадцать лет в середине XIX в. в Европейской Турции, говорят подробно об исконных разбойничьих нравах, унаследованных еще от времен Пазванд-оглу и Али паши Янинского, см. Народы Турции. Перевод с английского. СПб., 1879, т. I, стр. 180—187.

² Мне кажется, что и у К. Иречка (см. стр. 625) и у В. Язвицкого (см. стр. 49—50) иногда как будто смешиваются между собой термины: кирджали и гайдучи (хайдучи), хайдучи; но и в народных песнях наблюдается также внутреннее, идейное смешение; так, песни № 50, 54 (у П. Бессонова) говорят о Стояне, который, будучи сначала кирджали, т. е. врагом болгар-христиан, идет в хайдучи, т. е. борется против кирджали.

³ Şemsettin Sami bey, Kāmūs-al-'ālām, V, 3795.

княжества, которые хотели избавиться от фанариотов. Но у Скулян, на правом берегу р. Прута, повстанцы были разгромлены, и один из вождей, болгарин Георг Кирджали,¹ — это уже его кличка — бежал в Кишинев. Нарисательное слово — кирджали вторично вернуло себе исконные права собственного имени. Липранди четко различает двух исторических вождей кирджали: Кирджали времени султана Селима III и Кирджали — времени гетерии² отделенные друг от друга близким промежутком, они как будто слились в народном представлении.

Пушкин, живший «в объятиях свободы» в Кишиневе между 1820—1823 гг., окунулся в бурливую атмосферу национального брожения. Он хорошо запомнил и полюбил красочный восточный колорит и неоднократно возвращался к Кирджали, который его очаровал.³ Он знал, что Кирджали — разбойник, наводивший ужас на Молдавию (один из его «подвигов» он и рассказал), но он увидал в нем героя-виззя, который грабит богачей; ему почудился в Кирджали идейный борец, о котором складывались легенды.

Послушаем, что говорит о нем Пушкин:

«Нельзя было и подумать, чтоб эти мирные бедняки⁴ были известнейшие клефты Молдавии, товарищи грозного Кирджали, и чтоб он сам находился между ими.

Паша, начальствовавший в Яссах, о том узнал и на основании мирных договоров потребовал от русского начальства выдачи разбойника».⁵

Пока идет, безусловно, подлинная, так сказать, фотографическая экспозиция, но скоро все заволакивается туманом, и над историей, над историческими фактами, передвигающимися во времени, берет перевес фольклор — творится легенда по свежим следам, и проводил ли Пушкин грань между былью и сказкой — трудно сказать.

В биографию Кирджали, Георгия Болгарина или Гылеба-войводы, уже с начала, до того момента, как он бежал на Дунай в Систово, врываються «бродячие» эпизоды.

¹ Родом «нагорный болгарин», см. И. Л и п р а н д и. Из дневника, стр. 1403.

² И. Л и п р а н д и. Из дневника, стр. 1399, 1401.

³ После исследования В. Язвицкого предположение Б. Трубецкого (указ. соч., стр. 35, 71), что источником для «Кирджали» Пушкина мог быть молдавский разбойник Урсул, пойманный в 1823 г. в предместье Кишинева, — неубедительно. Б. Трубецкой ссылается на «Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана и его знакомство с Пушкиным», вторично напечатанные Л. Н. Майковым (А. С. Пушкин. Биографические материалы. Историко-литературные очерки. СПб., 1899, стр. 127—128). Вельтман слышал о галгаре Урсуле (впоследствии он написал «Поход разбойника Урсула»), но он связывает его с другим произведением Пушкина; он пишет: «...Это был начальник шайки, составившейся из разного рода войнолюбивых людей, служивших гетерии молдавской и перебравшейся в Бессарабию от преследования турок после Скулянского дела. Я уверен, что Урсул и дал Пушкину мысль написать «Разбойников» (т. е. «Братьев разбойников»)».

⁴ Под бедняками у Пушкина разумеются здесь арнауты.

⁵ А. С. П у ш к и н. Кирджали, Соч., т. VI, стр. 362

Так, болгарский писатель Г. П. Русески, как подлинное происшествие, передает, что болгарин посадил Кирджали в бочку и перевез в Валахию под видом бочки с вином.¹ Нам известен уже этот неосторожный план; однажды бывалым человеком отброшенный. Трезвый Янкель, которому Тарас Бульба предложил провезти себя таким образом в Варшаву, резонно отказался: «А пан думает, разве можно спрятать его в бочку? Пан разве не знает, что все подумают, что в бочке горилка?»

Когда Пушкин слушал — и в Кишиневе и в Петербурге — о похождениях Кирджали, перед ним носился образ «благородного разбойника», — романтического разбойника;² и даже мелочи вскрывают эпический склад героя. Так, дважды использовано эпическое число «7»: Кирджали сидит в доме монаха с семью товарищами; в степь ведет он тоже семь стражников-турок.³

И указание места клада (широкий камень, 12 шагов на полдень) звучит все-таки как заговорная формула.

Может быть, и «впрок», а то и предчувствуя близкую «кончину», разбойник часто зарывает клад под деревом или под камнем, а отсюда и запугивающая охотников до чужого добра легенда о голове казненного, которая стережет клад. Но заговорная формула, перед которой открываются все тайны, может навести на верный путь к кладу и разрушить чары, созданные воображением человека.

Описание сражения у Скулян тоже сомнительно — героизм толстяка Кантагани напоминает безудержное хвастовство барона Мюнхгаузена.

Поборник правды, Кирджали ненавидел турок-поработителей. Французский историк Реньо (E. Régnault) в 1855 г. повторял⁴ собственно, то, что сказал Пушкин:

«...С тех пор как я перешел за Прут, я не тронул ни волоса чужого добра, не обидел и последнего цыгана. Для турков, для молдаван, для валахов, я конечно разбойник, но для русских я гость... Бог видит, что я, Кирджали, жил подаянием! За что же теперь русские выдают меня моим врагам?»⁵ — спрашивает Кирджали.

В этих словах, подернутых дымкой укора, сквозит как будто намек на высокую миссию, которую он исполнял, — намек, искаженный или

¹ В. Язвickий. Указ. статья, стр. 58.

² И. Оксенов (указ. статья, стр. 59, 60, 64) уже обратил на это внимание.

³ A. U b i c i n i. Op. cit., p. 115 (пять турок).

Второй эпизод затронул самолюбие турецкого переводчика, Гаффара Гюнея. В противопоставлении одного разбойника-болгарина семи храбрым туркам ему мерещится издевательство Пушкина над турками; он утверждает, что Пушкин поддался «империалистической политике», см. A. G a f f a r G ü n e y. Seçme rus hikâyeleri. İstanbul, 1940, p. 10.

Но, конечно, Гаффар Гюней стократ неправ, и что это: наивность или невежество?

⁴ См. В. Язвickий. Указ. статья, стр. 50.

⁵ А. С. П у ш к и н. Кирджали. Соч., т. VI, стр. 362.

измененный в устах неблагодарного человека, который уже огорожен рамками (русского) закона и забыл, что спокойную жизнь добывал ему Кирджали. И разве эта исповедь не построена на мечте страждущего человека о рыцарственном разбойнике, который думает о благе народа.

Рожденные жизнью, в различной конкретной обстановке (отсюда и обилие вариантов), рассказы о разбойниках могут собираться вокруг народного любимца, вокруг имени одного героя, полюбившегося народу; и тогда этот герой вбирает все, что когда-либо и где-либо совершили страдальцы за народ.

Он на себе испытал социальное неравенство, и это раскрыло ему глаза на людскую несправедливость. У «благородного разбойника», образ которого запечатлен романтизмом, — романтическими воззрениями, — ненависть, еще смутная, к общественному строю растет часто из мести богачу, отцу девушки, которую бедняк безнадежно любит. Он уходит из этого мира, чтобы силой добыть счастье людям обездоленным, — отнимает богатства, которые кладут между людьми рознь. И эта возвышенная борьба во имя общего блага наполняет отныне его жизнь; жизнь «благородного разбойника» — непрерывная цепь подвигов.

Так создается большой цикл, прозаический или песенный, образуется эпическая биография героя как, например, история разбойника Алима (в Крыму), Робин-Гуда (в Англии) и т. д.

Процесс циклизации усложняется; быль и сказка переплетаются, живой образ постепенно схематизируется, и трудно уже отличить вымысел от правды. На базе действительного события быстро вырастает легенда, историческое событие превращается в фольклорное произведение: «От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории»¹ — как заметил Максим Горький.

Два сюжета должны постоянно отражать облик благородного разбойника. В одном утверждается идея о печальнике народного горя, который хочет помочь бедняку, другой — прославляет удалство разбойника, который благополучно уходит из тюрьмы; защитник бедного люда, конечно, торжествует над классовым врагом, сковывающим жизненные силы народа.

Между этими двумя сюжетами устанавливается органическая, логическая связь: герою всегда удается высвободиться из цепких лап правительства, так и должно быть, потому что он стоит на страже интересов народа; но хронологически эти сюжеты могут быть оторваны друг от друга.

Пушкин удержал в памяти или, вернее, сохранил на бумаге, два эпизода этих двух основных разбойничьих тем. Художник и не должен был загромождать изложение подробностями, — это разрушило бы композицию и приличествовало бы фольклористу, собирателю устного творчества.

¹ М. Горький. Доклад на I съезде советских писателей. М: ГИХЛ, 1934, стр. 19.

У Пушкина две темы слиты, и один эпизод следует непосредственно за другим: история с кладом придумана Кирджали только для того, чтобы усыпить бдительность стражников; он ведет стражу в степь, где у него якобы зарыт котел с гальбинами, чтобы избавиться от тюрьмы. Так, очевидно, слышал Пушкин от «молодого человека, ныне занимающего важное место», т. е. от М. И. Лекса; но насколько это достоверно — показывают слова Липранди: «У М. И. Лекса был запас анекдотов, которые он обыкновенно импровизировал, путая имена и места и представляя события, как повертывались на языке. Надо полагать, что М. И. Лекс слышал о событии при отыскании клада, но забыл, с кем именно это случилось, если только могло случиться, и приписал Кирджали».¹

Может быть, эти сказочные сюжеты и сложились в Молдавии, а оттуда перешли в Бессарабию, как полагает В. Селинов,² и Лекс только повторил то, что слышал; как хороший анекдотист, он и приукрасил; но они могли возникнуть и возникали где угодно, их неопределенность, оторванность от времени и пространства сразу угадал Липранди.

Наивному человеку, изнуренному тяжелой работой, кажется, что для счастья нужно богатство, и мысль о золоте, открывающем дорогу к довольству, — к светлой жизни, сверлит ум бедняка. Но золото прячется от человека, оно скрыто где-то под землей. Только человек, познавший тайны природы, может найти золото, и если «господа» роют землю, значит, они ищут клад. Оттого так недоброжелательно, так настороженно оглядывают на Востоке местные жители иностранца, забравшегося в глубь страны;³ он хочет отнять у них, бедняков, сокровища, которые, собственно, принадлежат им, как законное наследство от тех народов, которые жили на этой земле.

На территории южнорусских степей разбросаны курганы, и народная молва упорно твердит о кладах, зарытых здесь когда-то воинами. Немецкий путешественник Кол, объехавший юг России в 30-х годах XIX в., пишет: «И нигде так ревностно не копают клады, как в южно-русских степях».⁴

В Бессарабии ходят рассказы о «гоцах»,⁵ благородных разбойниках, в которых воплощен народный идеал: они грабили богатых и зарывали в землю клады; казнь была им не страшна, они верили, что судьба им поможет и вырчит их из всякой беды.⁶

¹ И. Л и п р а н д и. Из дневника, стр. 1393, 1395.

² В. С е л и н о в. Указ. статья, стр. 110.

³ См., например, A. D. M o r d t m a n n. Anatolien. Hannover, 1925, SS. 35. 49, 383.

⁴ J. G. K o h l. Reisen im Südrussland, Zweiter Theil. Dresden und Leipzig, 1847, S. 264.

⁵ Некто Калиньяки, утверждая, что так называют себя жители Буковины, сближает слово «hots» с «узами», см. Akşam, 1935, № 5881 (перепечатка из газеты Yildırım издававшейся в Румынии).

⁶ А. Я ц и м и р с к и й. Разбойники Бессарабии в сказках о них. «Этнографическое обозрение», 1896, № 1, стр. 76.

Вот, например, Тоболток, главарь большой разбойничьей шайки; «слава о нем шла до лесов Кишинева». Дважды его хватали и дважды он ускользал. Он указывал страже место, где у него были клады.¹

Гоц Бараган, сидя в тюрьме, обещает страже указать клад (три котла с червонцами). Его выпустили; он сдержал слово и вернулся в тюрьму.²

Здесь уже какая-то непоследовательность или противоречие: это уже сказка, потерявшая социальное значение. У рассказчика разгораются глаза, он увлекается и увеличивает число котлов, соблюдая, однако, эпический стиль (3 котла), но к судьбе разбойника он безучастен и равнодушно сажает его опять в тюрьму.

Вера в «гоцов» теперь ослабела — спустилась к детям и превратилась в детскую игру (ловкий и сильный мальчик, набирая ребятшек, изображает «гоца»)³.

И что удивительного, что эти рассказы о «гоцах», давно бродившие в стенах, перешли и на Кирджали.⁴

Он был еще жив, а в донесениях прусских консульств уже слышны отголоски старых преданий: паша, захватив Кирджали, распорядился, чтобы Кирджали отрубили голову, а тот выдумал, что каймакам («пристав») Крайовы, Кимпиниано (стало быть, грек или румын) отнял у него деньги, которые были зарыты в земле.

«Хотя они (пруссские консулы) и считают историю с кладом легендой, передают ее очень близко к рассказу Пушкина»,⁵ — говорит В. Язвцкый, желая подчеркнуть правдивость Пушкина.

Позже повторили это и историки: сперва Реньо, потом Шопен и Убичини.

Так долго сохранялся фольклорный сюжет, корнями уходящий в местную почву.

Язык рапорта (1823 г.) генерала Инзова прост и сжат: «Кирджали бежал с караульными турками», — доносил он, как бы подтверждая объяснение Пушкина: «Невольника стерегли семеро турок (люди простые и в душе такие же разбойники, как и Кирджали); они уважали его и с жадностью, общею всему Востоку, слушали его чудные рассказы»; словом, они бежали, соблазненные обещаниями Кирджали.

Бегство — бесспорный факт, но об обстоятельствах, предшествовавших и сопровождавших побег, рано уже создались противоречивые слухи.

Но опять возникает сомнение, кому верить: Липранди или прусским консулам. Казалось бы, и у русского наблюдателя и у иностранцев была

¹ J. C. K o h l. Op. cit., SS.314—315; А. Я ц и м и р с к и й. Указ. статья, стр. 62, 66—67, 86—87.

² А. Я ц и м и р с к и й. Указ. статья, стр. 60—61.

³ Т а м ж е, стр. 75.

⁴ А. Яцимирский (указ. статья, стр. 84), ссылаясь на «Бессарабские областные ведомости», 1862, № 12, пишет, что Кирджали превратился в «гоца».

⁵ См. В. Я з в и ц к и й. Указ. статья, стр. 53.

возможность получать хорошую информацию, однако записки Липранди и донесения консулов возбуждают недоумение.

Может быть, Липранди бессознательно путал, когда писал (в 1866 г.): «Кирджали был привезен в Скуляны в сумерки. В это время на молдавском берегу (отошедшем к туркам), у самого парома, случился таможенного пограничного пункта начальник, как их называли, бешли ага.¹ Кирджали был с ним знаком и с плота приветствовал Егюп-агу.² Приятель снял с него оковы, а потом во время попойки Кирджали ранил хозяина и бежал. Вот настоящая история воспетого Пушкиным Кирджали, которую я слышал через несколько дней в Скулянах», — заканчивает Липранди.³

В. Язвицкий находит рассказ невероятным; мне тоже не верится этому; трудно думать, чтобы человек, который мирволит государственному преступнику, был назначен потом, как прибавляет Липранди, пашой в Исакчу, а еще — во мне говорит фольклорист — здесь нарушается эпическое «международное» представление о соблюдении слова, данного поручителю.

Тем более все это подозрительно, что одновременно ходила более правдоподобная версия, где подставлены вместо Кирджали другие действующие лица, совершившие не политическое преступление, а уголовное, и турки настаивали на их выдаче. Прусские консулы в рапортах писали, что слуги (христиане) хотели убить Бехели агу,⁴ и после покушения бежали от погони и переправились на русский берег. Но по требованию турок были выданы комендантом Скулян.⁵

Фантазия народная все больше и больше разукрашивает побег Кирджали; отрывая побег от клада, она придает ему более естественное толкование. Разбойник беспечно кутит, а над ним собираются тучи, — вот краткое «либретто» версии.

Зародыш виден уже в рассказе о разбойнике Тоболтоке, который «в третий раз захвачен был в кружале», когда пировал со своими шестью товарищами.

Кирджали «поймали в доме беглого монаха, вечером, когда он ужинал, сидя в потемках с семьей товарищами»,⁶ — бросает Пушкин, перед тем как приступить к повествованию о выдаче Кирджали туркам.

Эскиз разрастается в живописную картину, будучи передвинут на юг — в Эпир. Здесь действует клефт Илия. Илия идет на свадьбу дочери старухи, которой он дал 150 золотых. Но брат мужа донес туркам о местонахождении Илии, и отряд солдат окружил дом. Когда об этом узнал Илия, он

¹ Должностной титул чиновника, получавшего «пясть» (beş) акчей в день, см. сборник «М. С е в д е т». Istanbul, 1937, p. 153, там же словарь, s. v. beşly (yan), p. 10.

² Это мог бы быть армянин (христиане брали таможенные сборы на откуп), но армянин не мог быть «пашой» в Исакче; скорее здесь неверное чтение, вместо Эйюб («ю» прочтено было за «го»), см. В. Я з в и ц к и й. Указ. статья, стр. 54.

³ Подробности рассказа опущены.

⁴ Начертание «ch» прочтено как «х».

⁵ В. Я з в и ц к и й. Указ. статья, стр. 54.

⁶ А. С. П у ш к и н. Соч., т. VI, стр. 362.

поклонился священнику, венчавшему девушку, и сказал: «Старче, исповедуй меня перед смертным часом». Потом Илия снял с него рясу и, надев на себя, вышел из дома. Солдаты подумали, что это местный священник, и пропустили его.

Я привожу этот «рассказ из греческой жизни»,¹ как фольклорный объект, разъясняющий историю развития сюжета; но фольклор-то исходит из реального случая. И разве есть здесь что-либо новое, необычайное? И разве, например, — чтобы не уходить в даль, — сказочный побег революционера П. А. Кропоткина из госпитальной тюрьмы не воспроизводит испытанные, давно знакомые народу методы борьбы.²

Как же все-таки кончил жизнь Кирджали?

Липранди говорит, что, по слухам, «этого разбойника в 1823 г. видели в Боснии». Он был повешен в Яссах (24 сентября 1824 г.) — объявляют французские историки Шопен и Убичини.

Кратко изложенное известие о смерти не только прозаично, но и позорно.

Так закончить повествование Пушкин, конечно, не мог, да и никогда не кончал: разбойник мог скрыться, как, например, Дубровский, и только. Его герой живет, он грозитя «добраться до самого господаря».

Образы бунтарей, отвергающих современный общественный строй, какая это богатая плодотворная тема для того, кто хочет понять эволюцию мировоззрения Пушкина!

И в годы юности, когда люди «живут без власти, без закона», и в годы зрелого раздумья над крестьянским восстанием, обращаясь к XVIII в., — к «Истории Пугачева», — мечтал Пушкин о человеке, который избавил бы народ от рабского гнета.

Вот почему «вольнодумная» душа поэта откликается на дерзость Кирджали, вот почему и от читателя ждет он сочувствия «благородному разбойнику»: «Каков Кирджали?» — экспансивно восклицает Пушкин.



Мне кажется, что колебания и разногласия о жанре происходят оттого, что новелла носит на себе следы двух периодов жизни Пушкина — следы двух представлений о Кирджали. Стало быть, правдоподобна и гипотеза о наличии (к 1834 г.) раннего (прозаического) черновика «Кирджали», какого-то наброска, занесенного в записную книжку.³

¹ Грубее звучит обнаженный молдавский сюжет в «Поэме о Кодряне». Кодрян просит освободить ему правую руку, чтобы перекреститься перед смертью. После этого он вынимает палаш и разрывает цепи. «Я пойду разбойничать!» — восклицает он, см. А. Я ц и м и р с к и й. Указ. статья, стр. 74.

² П. К р о п о т к и н. Записки революционера, М., 1933, стр. 239 и сл.

³ И. О к с е н о в. Указ. статья, стр. 58.

Сперва, в Кишиневе, Кирджали для Пушкина — кровожадный душегуб, хотя в поэме «Братья разбойники» он показал, что и отщепенец иногда испытывает угрызения совести. Через длинный промежуток времени, в 1833—1834 гг., вновь оживают у Пушкина воспоминания о стране, где он «вникает в дух народный». Но Пушкин, завершающий новеллу, уже возмужал, настроения у него изменились. Он подсмеивается над страхами бывшего молдавского господаря Михаила Скуццо, встреченного им в Петербурге, и на Кирджали взглянул он, как на человека прозревшего, для которого проясняются классовые противоречия.

Все перемешалось, история Кирджали темна. Откупщик Агоп-ага, а может быть, это Эйюб-ага, поп Илия, Гылэб-войвода и «Кёрчалик» Георгий Болгарин, Талгарь Урсул, мучители и мученики, окружили в памяти народа Кирджали, и в этой толпе Кирджали затерялся; запутались, рассказывая о нем, и современники — образ Кирджали потускнел от времени, утратил историчность.

«Кирджали был родом болгар. Кирджали на турецком языке значит витязь, удалец. Настоящего его имени я не знаю»,¹ — так начинает Пушкин повествование. Но, кажется, и мы немного знаем о Кирджали. Да, Кирджали был болгарин (и семья его жила недалеко от Килии, в болгарской деревне), — это подтверждает и В. Язвицкий. Вот, конечно, кирджали по-турецки не значит: удалец, витязь, — это уже у Пушкина романтический налет; а как его звали, — так даже В. Язвицкий, копавшийся в архивах, колеблется между двумя именами. А в конце концов, Пушкин-то писал не исследование, а создал новеллу, может быть, местами и неслаженную, но полную прелести и «изумительного совершенства».²

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. VI, стр. 359.

² Л. Майков. Пушкин. Биографические материалы. Историко-литературные очерки, СПб., 1899, стр. 134; его же. Историко-литературные очерки, СПб., 1895, стр. 128.



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А.С. ПУШКИН

1799 ~ 1949



МАТЕРИАЛЫ
ЮБИЛЕЙНЫХ
ТОРЖЕСТВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — Ленинград

1951
